

ДЖОРДЖ
ОРУЭЛЛ

✧
Англия
и англичане
✧

✧ ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА ✧

Джордж Оруэлл

Англия и англичане (сборник)

Серия «Зарубежная классика (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17951046
Англия и англичане : [сборник : перевод с английского] / Джордж
Оруэлл. : АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-104473-2

Аннотация

Англия. Родина Чарлза Дарвина, Уинстона Черчилля, Олдоса Хаксли...

Англичане. Вежливы и законопослушны, всегда встают на защиту слабого, но верны феодальным традициям и предвзято относятся к иностранной кухне... Они нетерпимы к насилию, но при этом не видят ничего плохого в традиционных телесных наказаниях...

Английский характер, сама Англия и произведения выдающихся ее умов – Редьярда Киплинга, Т.С. Элиота, Чарлза Диккенса, Генри Миллера – под пристальным вниманием Джорджа Оруэлла!

Когда-то эти эссе, неизменно оригинальные, всегда очень личные, бурно обсуждались в английской прессе и обществе. Но и теперь, спустя почти 70 лет, читать их не менее интересно!

Содержание

Лев и Единорог: социализм и английский гений[1]	5
Часть I: Англия, твоя Англия	5
Часть II: Лавочники на войне	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Джордж Оруэлл

Англия и англичане

Серия «Зарубежная классика»

George Orwell

THE ENGLISH PEOPLE AND OTHER ESSAYS

Перевод с английского

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения The Estate of the late Sonia Brownell Orwell и литературных агентств A M Heath & Co Ltd. и Andrew Nurnberg.

© George Orwell, 1930, 1939, 1941–1947

© Перевод, текст. В. Голышев, 2017

© Перевод, текст. А. Зверев, наследники, 2017

© Перевод, текст. Г. Злобин, наследники, 2017

© Перевод, стихи. Н. Эристави, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Лев и Единорог: социализм и английский гений¹

Часть I: Англия, твоя Англия

1

В то время как я пишу, весьма цивилизованные люди летают над моей головой и пытаются меня убить.

Они не испытывают враждебности ко мне, как к индивиду, и я к ним тоже. Они, как говорится, «только выполняют свой долг». Большинство из них, не сомневаюсь, незлобивые, законопослушные люди, которым и в голову не придет совершить убийство в частной жизни. С другой стороны, если кому-нибудь из них удастся разнести меня на куски точно сброшенной бомбой, он сна из-за этого не лишится. Он служит своей стране, и она вправе отпустить ему грехи.

Увидеть современный мир таким, как он есть, нельзя, не осознав всепобеждающей силы патриотизма, национальной

¹ Лев и Единорог – геральдические животные на королевском гербе, представляют Англию и Шотландию. – *Здесь и далее примеч. пер., кроме особо оговоренных случаев.*

лояльности. В определенных обстоятельствах она ослабевает, на определенных уровнях цивилизации не существует, но как с позитивной силой, с ней не может сравниться ничто. Христианство и интернациональный социализм против нее – как соломинки. Гитлер и Муссолини захватили власть у себя в значительной степени потому, что осознали этот факт, а их противники – нет.

Кроме того, надо признать, что расхождения между нациями обусловлены реальной разницей в мировоззрении. До недавнего времени полагалось делать вид, будто все люди очень похожи, но всякий, кому не отказало зрение, знает, что в среднем человеческое поведение сильно меняется от страны к стране. То, что может произойти в одной стране, не может произойти в другой. «Ночь длинных ножей», например, не могла бы произойти в Англии, а англичане сильно отличаются от других западных людей. Косвенный признак этого – нелюбовь почти всех иностранцев к нашему национальному образу жизни. Немногие европейцы примиряются с жизнью в Англии, и даже американцам часто бывает уютнее в континентальной Европе.

Когда возвращаешься в Англию из чужой страны, сразу возникает ощущение, что дышишь другим воздухом. Об этом тебе дают знать тысячи мелочей. Пиво горше, монеты тяжелее, трава зеленее, реклама крикливее. Толпа в большом городе – спокойные, угловатые лица, плохие зубы, мягкие манеры – отличается от европейской толпы. А потом

огромность Англии доходит до вас, и на время вы теряете ощущение, что вся нация имеет единый, узнаваемый характер. Да и есть ли действительно такая вещь, как нация? Разве мы – не сорок шесть миллионов индивидуумов, очень разных? А разнообразие ее, а хаос! Стук деревянных подошв в промышленных городах Ланкашира, мчащиеся грузовики на магистрали Лондон – Эдинбург, очереди перед биржами труда, треск механических бильярдных шаров в пивных Сохо, старые девы на велосипедах, едущие к заутрене в осеннем тумане, – всё это не просто фрагменты, но характерные фрагменты английской жизни. Как сложить целое из этой неразберихи?

Но поговорите с иностранцами, почитайте иностранные книги или газеты, и вы вернетесь к той же мысли – да, есть что-то особенное и своеобразное в английской цивилизации. Это культура, такая же самобытная, как в Испании. Почему-то она ассоциируется с плотными завтраками и хмурыми воскресеньями, дымными городами и извилистыми дорогами, зелеными полями и красными почтовыми ящиками. У нее собственный аромат. Кроме того, она непрерывна, она простирается в будущее и в прошлое, что-то в ней не умирает, она сохраняется, как живое существо. Что общего у Англии 1940 года и Англии 1840-го? А что общего у вас с пятилетним ребенком, чью фотографию ваша мать держит на камине? Ничего, кроме того, что вы один и тот же человек.

И главное, это ваша цивилизация, это вы. Вы можете проклинать ее или смеяться над ней, но вдали от нее никогда

не будете счастливы. Пудинги на сале и красные почтовые ящики запали вам в душу. Хорошее или плохое – это ваше, вы часть этого, и до гроба будете носить отметины, которые оно оставило на вас.

Вместе с тем, Англия, как и остальной мир, меняется. И как все остальное, меняться может только в определенных направлениях, которые, до какой-то степени, можно предвидеть. Это не значит, что будущее предопределено, просто одни варианты возможны, а другие нет. Семя может прорасти или не прорасти, но из семени репы никогда не вырастет свекла. Поэтому, прежде чем гадать о том, какую роль может играть Англия в нынешних грандиозных событиях, очень важно попытаться определить, что такое Англия.

2

Национальные характеристики трудно выделить, а если и выделишь, они зачастую оказываются тривиальными или как будто бы никак не связанными между собой. Испанцы жестоки, как животные, итальянцы ничего не могут сделать, не подняв страшный шум, китайцы склонны к азартным играм. Очевидно, что такие определения сами по себе ничего не значат. Однако ничто не бывает без причины, и тот факт, что у англичан плохие зубы, может кое-что сказать о реалиях английской жизни.

Вот несколько обобщений касательно Англии, на которых

сойдутся почти все наблюдатели. Одно – англичане художественно не одарены. Они не музыкальны, как немцы или итальянцы, живопись и скульптура никогда не переживали такого расцвета в Англии, как во Франции. Другое – среди европейцев англичане не интеллектуалы. Абстрактная мысль вызывает у них отвращение, смешанное с ужасом, они не испытывают нужды в какой-либо философии или систематическом «мировоззрении». И не потому, что они «практичны», как они любят себя характеризовать. Стоит только присмотреться к их методам городского планирования и водоснабжения, к тому, как упрямо они цепляются за все устарелое и неудобное, к системе правописания, не поддающейся никакому анализу, к системе мер и весов, понятной только составителям учебников по арифметике, – и сразу видно, как мало они озабочены простой эффективностью. Но у них есть некая способность действовать не размышляя. Их всемирно прославленное лицемерие – например, двуличное отношение к империи – с этим связано. Кроме того, в моменты тяжелого кризиса весь народ способен вдруг сплотиться и действовать как бы инстинктивно, а на самом деле в соответствии с кодексом поведения, почти каждому понятным, хотя никогда не формулируемым. Фраза, которой Гитлер охарактеризовал немцев, – «народ лунатиков», больше подошла бы англичанам. Хотя такое определение не повод для гордости.

Стоит отметить одну второстепенную черту англичан, ярко выраженную, но редко обсуждаемую, – любовь к цветам.

Это чуть ли не раньше всего бросается в глаза, когда приезжаешь в Англию из-за границы, особенно из Южной Европы. Противоречит ли это английскому безразличию к искусствам? На самом деле, нет, потому что эту любовь обнаруживаешь в людях, напрочь лишенных эстетического чувства. Однако она связана с другой чертой англичан, настолько для нас характерной, что мы ее почти не замечаем, – это приверженность к разного рода хобби и досужим занятиям, с глубоко частным характером английской жизни. Мы – народ цветоводов, но также собирателей марок, голубятников, столяров-любителей, вырезателей купонов, метателей дротиков, разгадывателей кроссвордов. Вся подлинно близкая сердцу культура сосредоточена вокруг вещей, если даже и общественных, но не официальных: пивная, футбольный матч, садик, кресло перед камином и «добрая чашка чая». В свободу личности верят до сих пор, почти как в девятнадцатом веке. Но это не имеет ничего общего с экономической свободой, с правом эксплуатировать других ради прибыли. Это – свобода иметь собственный дом, делать что хочешь в свободное время, самому выбирать для себя развлечения, а не чтобы их выбирали для тебя наверху. Самый противный для англичанина персонаж – тот, кто сует нос в чужие дела. Очевидно, разумеется, что эта частная свобода – дело проигранное. Как и все современные народы, англичан уже нумеруют, классифицируют, мобилизуют, «координируют». Но инстинкты англичан направлены в противополож-

ную сторону, и регламентация, которую им могут навязать, примет несколько иные формы. Без партийных съездов, без молодежных союзов, без одноцветных рубашек, без травли евреев и «стихийных» демонстраций. И без гестапо, по всей вероятности.

Но обыкновенные люди во всех обществах должны жить более или менее вопреки существующему порядку. Подлинно народная культура Англии есть нечто существующее под поверхностью, неофициально, и власти смотрят на нее скорее неодобрительно. Приглядевшись к простым людям, особенно в больших городах, замечаешь, что они отнюдь не пуритане. Они неутомимые игроки, пьют столько пива, сколько позволяет заработок, обожают грязные анекдоты и сквернословят, наверно, больше любого народа на свете. Эти свои вкусы они вынуждены удовлетворять при наличии поразительно ханжеских законов (законы о продаже спиртного, закон о лотереях и т. п.), которые написаны так, чтобы вмешиваться в жизнь каждого, но на практике ничему не мешают. Кроме того, простые люди лишены определенных религиозных убеждений – и таковы уже не первый век. Англиканская церковь никогда не имела над ними настоящей власти, она была просто заповедником мелкопоместного дворянства, а нонконформистские секты влияли только на меньшинство. И все же народ сохранил глубокое христианское чувство, при том что почти забыл имя Христа. Культ силы – новая религия Европы, заразившая английскую интеллиген-

цию, – не затронула простых людей. Они никогда не следили за державной политикой. «Реализм», проповедуемый итальянскими и японскими газетами, привел бы их в ужас. Об английском духе можно многое понять по комическим цветным открыткам, которые видишь в витринах дешевых канцелярских магазинов. Это нечто вроде дневника, в котором англичане бессознательно изображают себя. Здесь отразились их старомодные взгляды, их классовый снобизм, смесь похабства и лицемерия, их мягкость, глубоко моральное отношение к жизни.

Мягкость английской цивилизации – возможно, самая заметная ее черта. Ее замечаешь сразу, едва ступив на английскую землю. Это земля, где кондукторы автобусов не раздражаются, а полицейские не носят револьверов. Как ни в одной другой стране, населенной белыми, тут можно безнаказанно столкнуть прохожего с тротуара. Отсюда же происходит и то, что европейские наблюдатели списывают на «вырождение» или лицемерие, – английское отвращение к войне и милитаризму. Оно коренится в истории и сильно выражено у рабочего класса и в более бедных слоях среднего. Войны могли его поколебать, но не уничтожили. Еще свежи в памяти те времена, когда «красномундирных» ошикивали на улицах, а хозяева приличных заведений не пускали солдат. В мирный период, даже при двух миллионах безработных, трудно укомплектовать крохотную регулярную армию, где офицерами служат мелкопоместные дворяне или

особая прослойка среднего класса, а рядовыми – сельскохозяйственные рабочие и пролетарии из трущоб. В массе же народ лишен военных познаний и традиций, и по отношению к войне позиция его оборонительная. Ни один политик не вылезет наверх, посулив завоевания или воинскую «славу». Никакой гимн ненависти еще не находил у людей отклика. В прошлой войне песни, которые сочиняли и пели по собственной воле солдаты, были не воинственными, а насмешливыми и мнимо-пораженческими². Единственным врагом, которого называли вслух, был старшина.

В Англии хвастовство, размахивание флагами, вся эта «Правь, Британия» – занятия крохотного меньшинства. Патриотизм простых людей – не гласный и даже не сознательный. В их исторической памяти не удержалось ни одного названия выигранной битвы. В английской литературе, как и в других литературах, множество стихотворений о битвах, но надо заметить, что во всех, снискавших какую-то популярность, рассказывается о катастрофах и отступлениях.

Нет, например, популярных стихотворений о Трафальгаре или Ватерлоо. Отчаянные арьергардные бои армии сэра Джона Мура в Корунье и ее эвакуация морем (совсем как в Дюнкерке!) привлекают гораздо больше, чем какая-нибудь блестящая победа. Самое волнующее английское батальное

² Например: «Не хочу вступать в проклятую армию, Не хочу идти на войну; Больше не хочу скитаться, Я бы лучше сидел дома И жил на содержании у шлюхи». Но воевали они не с таким настроением. – *Примеч. авт.*

стихотворение – о кавалерийской бригаде, атаковавшей на неправильном участке. А из прошлой войны по-настоящему запечатлелись в народной памяти четыре названия: Монс, Ипр, Галлиполи и Пашендаль – катастрофы. Названия великих битв, сокрушивших в конце концов германские армии, широкой публике неизвестны.

Для иностранных наблюдателей английский антимилицаризм отвратителен потому, что он игнорирует существование Британской империи. Выглядит это чистым лицемерием. Как-никак англичане захватили четверть Земли и удерживают ее с помощью громадного флота. Как они смеют выворачивать все наизнанку и говорить, что война – зло?

Это верно, что англичане лицемерны в отношении своей империи. В среде рабочего класса лицемерие заключается в том, что о существовании империи он не знает. Нелюбовь же к регулярной армии живет на уровне инстинкта. Во флоте занято сравнительно мало народа; флот – внешнее оружие, прямо не влияющее на внутреннюю политику. Военные диктатуры существуют повсюду, но диктатуры флота не бывает. Что отвратительно англичанам чуть ли не любого класса – это чванливое офицерье, звяканье шпор и топот сапог. За десятки лет до того, как услышали о Гитлере, слово «пруссский» значило в Англии примерно то же, что сейчас «нацистский». Чувство это настолько укоренившееся, что уже лет сто офицеры британской армии в мирное время и вне службы всегда ходят в штатском.

Один внешний, но весьма надежный показатель общественной атмосферы в стране – парадный шаг в армии. Военный парад – на самом деле род ритуального танца, нечто вроде балета, он выражает определенную философию жизни. Гусиный шаг, например, одно из самых жутких зрелищ на свете, гораздо более страшное, чем пикирующий бомбардировщик. Это просто утверждение голой силы; он наводит на мысль – не случайно, намеренно – о сапоге, топчущем лицо. В уродстве этого шага его сущность, он как бы говорит: «Да, я уродлив, и ты не смеешь надо мной смеяться» – как задира, корчащий рожу своей жертве. Почему гусиный шаг не привился в Англии? Видит Бог, тут немало офицеров, которые рады были бы ввести что-нибудь подобное. А не привился он, потому что люди на улице будут смеяться. Выходящая за определенные рамки демонстрация военной силы возможна только в тех странах, где простой народ не осмеливается смеяться над армией. Итальянцы перешли на гусиный шаг приблизительно в то время, когда окончательно подчинились немцам. Правительство Виши, если оно выживет, непременно привьет остаткам французской армии более жесткую строевую дисциплину. В британской армии муштра сурова и сложна, полна воспоминаний о XVIII веке, но упора на шагистику нет; марш – это просто формализованное пешее передвижение. Эта муштра – безусловно, порождение общества, которым правит меч, но меч, никогда не вынимаемый из ножен.

При этом мягкость английской цивилизации сочетается с разнообразным варварством и анахронизмами. Наше уголовное право устарело, как мушкеты в Тауэре. Нацистского штурмовика надо сопоставить с типично английской фигурой – судьей-вешателем, штампующим свирепые приговоры подагрическим старым злыднем, чье сознание уходит корнями в XIX век. В Англии людей все еще вешают и порют плетьюми. Оба эти наказания столь же непристойны, сколь и жестоки, но народ против них никогда по-настоящему не протестовал. Народ мирится с ними (и с Дартмуром, и с Борсталом³). Примерно так, как мирятся с погодой. Они – часть «закона», не подлежащего изменению.

Тут мы сталкиваемся с чрезвычайно важной английской чертой: уважением к законности, верой в «закон» как нечто, стоящее выше государства и индивидуума – жестокое и глупое, конечно, но, по крайней мере, неподкупное.

Это не значит, что кто-то считает закон справедливым. Все знают, что для богатых один закон, а для бедных другой. Но вдумываться, делать из этого выводы никто не хочет, все считают само собой разумеющимся, что закон, такой, какой есть, надо уважать, и возмущаются, когда его не уважают. Высказывания наподобие: «Они не могут меня посадить, я ничего неправильного не сделал» или «Они этого не сделают, это против закона» – часть английской атмосферы.

³ Дартмур – знаменитая тюрьма; Борстал – исправительное учреждение для малолетних преступников.

ры. У отъявленных врагов общества это чувство так же сильно, как у всех остальных. Это видно и в тюремных книгах, таких, как «У стен есть рты» Уилфреда Макартни или «Тюремный дневник» Джима Фелана, в торжественном идиотизме процессов над людьми, отказавшимися от воинской службы по этическим соображениям, в письмах, посылаемых в газеты видными марксистскими профессорами, указывающими, что то или это является «нарушением британского правосудия». Все верят в душе, что закон может быть, должен быть и в целом будет применен беспристрастно. Тоталитарная идея, что закона нет, а есть только власть, так и не привилась. Даже интеллигенция признала ее только теоретически.

Иллюзия может превратиться в полуправду, маска – изменить выражение лица. В привычных заявлениях, будто демократия – «то же самое, что» тоталитаризм или «ничем не лучше» его, это никогда не учитывается. С таким же успехом можно сказать, что полупустой стакан не лучше пустого. Англичане еще верят в такие понятия, как справедливость, свобода и объективная истина. Это, может быть, иллюзии, но очень действенные иллюзии. Вера в них влияет на поведение, благодаря им жизнь нации выглядит иначе. Доказательство? Посмотрите вокруг себя. Где резиновые дубинки, где касторка? Меч все еще в ножнах, и пока он там, коррупция не может выйти за определенные рамки. Английская избирательная система, например, почти открытое надувательство. Десятками очевидных способов она подстраивается под ин-

тересы имущего класса. Но пока сознание общества не изменилось кардинальным образом, она не может быть полностью растленной. Когда вы подходите к избирательной кабинке, вас не встречают люди с револьверами и не говорят вам, как голосовать; результаты выборов не подтасовываются, и откровенного подкупа нет. Даже лицемерие – сильный тормоз. Судья-вешатель, злобный старик в парике из конского волоса и в красной мантии, которому без помощи динамита не внушить, в каком веке он живет, но который, во всяком случае, не будет толковать закон вкривь и вкось и ни при каких обстоятельствах не примет взятку, этот судья – одна из символических для Англии фигур. Это – воплощение странной смеси из реализма и иллюзий, демократии и привилегий, притворства и порядочности, тонкой системы компромиссов, благодаря которым нация сохраняет свою привычную форму.

3

Я все время говорил «нация», «Англия», «Британия» так, словно сорок пять миллионов душ – это нечто единое. Но разве не известно всем, что Англия – это две нации, богатых и бедных? Станет ли кто изображать, будто есть что-то общее между людьми с годовым доходом в 100 тысяч фунтов и людьми, зарабатывающими один фунт в неделю? И даже в Уэльсе и Шотландии читателей покоробит то, что слово «Ан-

глия» я употребляю чаще, чем «Британия», как будто все население сосредоточено в Англии, в центральных графствах, а ни на севере, ни на западе нет своей культуры. Этот вопрос немного прояснится, если начать с второстепенного момента. Факт, что народы Британии видят между собой большие различия. Шотландец, например, не скажет вам «спасибо», если вы назовете его англичанином. Наша неуверенность в этом вопросе проявляется в том, что мы называем наши острова не меньше чем шестью именами: Англия, Британия, Великобритания, Британские острова, Соединенное Королевство и, в особо торжественные минуты, Альбион. Большими в наших глазах выглядят даже различия между Северной и Южной Англией. Но в ту минуту, когда любые два британца сталкиваются с европейцем, эти различия почему-то исчезают. Очень редко встретишь иностранца (если не считать американцев), который видит разницу между англичанами и шотландцами или даже между англичанами и ирландцами. Французу бретонец и овернец кажутся очень разными людьми, а марсельский акцент – излюбленный предмет шуток в Париже. Однако мы говорим «Франция» и «французы», видя во Франции цельный организм, единую цивилизацию, как оно на самом деле и есть. Так же и с нами. На взгляд постороннего, даже между кокни и йоркширцем есть сильное семейное сходство.

Даже разница между богатыми и бедными не так заметна, когда смотришь на народ со стороны. Об имущественном

неравенстве в Англии говорить излишне. Оно больше, чем в любой европейской стране, и чтобы увидеть это, достаточно выглянуть на улицу. В экономическом смысле Англия – определенно две нации, если не три или четыре. И в то же время огромное большинство людей ощущают себя единой нацией и сознают, что друг на друга похожи больше, чем на иностранцев. Патриотизм обычно сильнее классовой ненависти и всегда сильнее какого угодно интернационализма. За исключением короткого периода в 1920 году («Руки прочь от России»), британский рабочий класс никогда не мыслил и не действовал в духе интернационализма. Два с половиной года рабочие наблюдали, как медленно удушают их товарищей в Испании, и ни разу не поддержали их хотя бы забастовкой⁴. Но когда в опасности оказалась их страна, страна лорда Наффилда и мистера Монтегю Нормана⁵, они повели себя совсем иначе. Когда Англии грозило вторжение, Энтони Иден обратился по радио с призывом записываться в отряды местной самообороны. В течение суток записалось четверть миллиона человек и в первый же месяц – еще миллион. Достаточно сравнить эти числа с числом людей, отказавшихся от воинской службы по этическим соображениям, чтобы понять, насколько традиционные ценности оказались

⁴ Правда, в какой-то мере им помогали деньгами. Но суммы, собранные разными фондами в помощь Испании, не достигли и пяти процентов оборота футбольных тотализаторов за тот же период.

⁵ Монтегю Норман – директор Английского банка, поддерживал нацистские монополии.

важнее новых.

У разных классов в Англии патриотизм принимает разные формы, но проходит сквозь все общество, как связующая нить. Он чужд только европеизированной интеллигенции. Как позитивное чувство, он сильнее в средних слоях, чем в высших: например, дешевые частные школы больше склонны к патриотическим демонстрациям, чем дорогие; но число богатых изменников типа Квислинга и Лавалья, вероятно, очень мало. Патриотизм рабочего класса – глубокий, но бессознательный. Сердце рабочего не затрепещет при виде Юнион Джека. Но пресловутый «изоляционизм» и «ксенофобия» англичан гораздо сильнее развиты у рабочего класса, чем у буржуазии. Во всех странах бедные – большие националисты, чем богатые; но английские рабочие выделяются своим отвращением к иностранным обычаям. Даже когда им приходится жить за границей годами, они не желают привыкать к иностранной пище и учиться иностранному языку. Чуть ли не все англичане рабочего происхождения считают неприличным для мужчины правильно произносить иностранные слова. Во время Первой мировой войны контакты английских рабочих людей с иностранцами приняли невиданные масштабы. Единственное, что они вынесли оттуда, – отвращение ко всем европейцам, кроме немцев, чьей храбростью они восхищались. За четыре года пребывания на французской земле они не приобрели даже вкуса к вину. Изолированность англичан, их нежелание принимать ино-

странцев всерьез – это глупость, за которую время от времени приходится дорого платить. Но они – часть английской загадки, а интеллектуалы, которые пытались с этим покончить, чаще приносили больше вреда, чем пользы. По сути, это – то же свойство английского характера, которое отталкивает туристов и помогает отразить захватчика. Здесь мы возвращаемся к двум английским особенностям, которые я назвал как бы наобум в начале прошлой главы. Одна – отсутствие художественных способностей. Можно было бы сказать иначе: Англия находится вне европейской культуры. Ибо есть одно искусство, где она отличилась избытком талантов, – литература. Но это как раз единственное искусство, которое не может пересекать границы. Литература, особенно поэзия, и прежде всего лирическая поэзия, – это нечто вроде семейной шутки, мало значащая или ничего не значащая за пределами своего языка. За исключением Шекспира, лучшие английские поэты почти неизвестны в Европе, даже по именам. Широко читаемы только Байрон, которым восхищаются не за то, да Оскар Уайльд, которого жалеют как жертву английского ханжества. И с этим связан, хотя не слишком очевидно, недостаток философских способностей, отсутствие почти у всех англичан потребности в упорядоченной системе мыслей или даже стремления к логике.

До какой-то степени чувство национального единства заменяет «мировоззрение». Поскольку патриотизм здесь почти всеобщий и не чужд даже богатым, бывают такие момен-

ты, когда вся нация вдруг поворачивается разом и действует одинаково, как стадо, встретившее волка. Таким моментом была, безусловно, катастрофа во Франции. После восьми месяцев вялого недоумения, что это вообще за война, люди вдруг поняли, что им надлежит делать: во-первых, увести армию из Дюнкерка и, во-вторых, предотвратить вторжение. Словно великан пробудился. Быстро! Филистимляне идут на тебя, Самсон! И затем стремительное единодушное действие – затем, увы, снова погружение в сон. В разделенной нации как раз в такой момент должно было бы возникнуть сильное движение за мир. Но значит ли это, что инстинкт англичан всегда подсказывает им правильные поступки? Отнюдь нет, он лишь велит им поступать одинаково. Например, на выборах 1931 года мы в полном единодушии поступили ошибочно. Мы были целеустремленны, как гадаринские свиньи. Но мы, безусловно, не можем сказать, что нас толкнули под уклон против нашей воли. Отсюда следует, что британская демократия не такое надувательство, как иногда кажется. Иностранный наблюдатель видит только колоссальное имущественное неравенство, несправедливую избирательную систему, правительственный контроль над прессой, радио и образованием и заключает, что демократия просто вежливое название диктатуры. При этом не учитывается существенное согласие, к сожалению, существующее между вождями и ведомыми. Как ни противно это признать, нет почти никаких сомнений в том, что между 1931 и 1940 годами

правительство отражало волю массы народа. Оно мирилось с трущобами, безработицей и вело трусливую внешнюю политику. Да, но таково же было общественное мнение. Это был период застоя, и, естественно, во главе стояли посредственности.

Несмотря на кампании нескольких тысяч леваков, можно не сомневаться, что большинство английского народа поддерживало внешнюю политику Чемберлена. Больше того, можно не сомневаться, что в мозгу Чемберлена происходила та же борьба, что и в умах рядовых людей. Оппоненты представляли его коварным интриганом, задумавшим продать Англию Гитлеру, но, скорее всего, он был просто глупым стариком, старавшимся в меру своих убогих способностей сделать Англии лучше. Иначе трудно объяснить противоречивость его политики и то, что он не воспользовался ни одним из путей, которые были перед ним открыты. Как и большинство народа, он не хотел заплатить полагающуюся цену ни за мир, ни за войну. И все это время за ним стояло общественное мнение – стояло за политическими действиями, совершенно не совместимыми между собой. Оно стояло за ним, когда он отправился в Мюнхен, когда пытался найти взаимопонимание с Россией, когда дал гарантии Польше, когда выполнил их и когда нерешительно вел войну. И лишь когда результаты его политики стали очевидны, оно отвернулось от него; иначе говоря, проснулось после семилетней летаргии. Тогда люди выбрали руководителя, больше отвеча-

шего их настроениям, – Черчилля, который по крайней мере способен был понять, что войны без боя не выигрываются. Позже, возможно, они найдут другого руководителя, который поймет, что эффективно сражаться могут только социалистические нации.

Хочу ли я этим сказать, что Англия – подлинная демократия? Нет, этому не поверит даже читатель «Дейли телеграф».

Англия – самое классовое общество под солнцем. Это страна снобизма и привилегий, управляемая, по большей части, старыми и глупыми. Но при любых рассуждениях о ней надо принимать во внимание ее эмоциональное единство, склонность почти всех ее обитателей в критические моменты чувствовать одинаково и действовать вместе. Это единственная великая держава в Европе, которая не считает нужным загонять сотни тысяч своих подданных в ссылку или в концлагеря. Сейчас, после года войны, газеты и брошюры, поносящие правительство, восхваляющие врага и громко требующие капитуляции, продаются на улице почти беспрепятственно. И дело здесь не столько в уважении к свободе слова, сколько в простом сознании, что все это ничего не значит. Продавать газету, подобную «Пис ньюс», безопасно, потому что 95 процентов населения наверняка не захотят ее читать. Нация связана воедино невидимой цепью. В обычное время правящий класс будет грабить, плохо управлять, саботировать, тащить нас в болото; но когда общественное мнение подаст голос, чувствительно потревожит его снизу,

ему будет трудно не отреагировать. Левые авторы, обличающие весь правящий класс как «профашистский», чрезмерно упрощают дело. Даже в узком кружке политиков, которым мы обязаны нынешней критической ситуацией, вряд ли найдутся сознательные предатели. Испорченность такого рода в Англии редка. Почти всегда она имеет скорее характер самообмана, когда правая рука не знает, что делает левая. И будучи бессознательной, она не переходит каких-то границ. Лучше всего это видно по английской прессе. Честна английская пресса или бесчестна? В обычное время она глубоко бесчестна. Все влиятельные газеты живут рекламой, и рекламодатели осуществляют косвенную цензуру новостей. Но я не думаю, что в Англии есть хоть одна газета, которую можно прямо подкупить деньгами. Во французской Третьей республике все газеты, за исключением очень немногих, можно было купить открыто, как несколько фунтов сыра. Общественная жизнь в Англии никогда не была открыто скандальной. Она не достигла той степени разложения, когда можно свободно запустить «утку».

Англия – не «царственный остров» из заезженной фразы Шекспира, но и не ад, изображаемый доктором Геббельсом. Гораздо больше она напоминает семью, довольно консервативную викторианскую семью, где вырождков мало, но очень много разнообразных скелетов в чуланах. У нее есть богатые родственники, перед которыми надо лебезить, и бедные родственники, которых можно травить, и есть круговая порука

молчания касательно источника семейных доходов. Это семья, где молодых придерживают, а распоряжаются, по большей части, безответственные дядья и прикованные к постели тетки. И все же это – семья. У нее свой язык и общие воспоминания, и при появлении врага она смыкает ряды. Семья, во главе которой не те люди, – и точнее, наверное, Англию одной фразой не опишешь.

4

Битва при Ватерлоо, возможно, и была выиграна на спортивных площадках Итона⁶, но начальные сражения последующих войн были там же проиграны. Одной из определяющих черт английской жизни в последние три четверти века был упадок способностей правящего класса. В годы между 1920-м и 1940-м он происходил со скоростью химической реакции. Однако, когда пишутся эти строки, говорить о правящем классе все еще можно. Подобно ножу, у которого сменили два лезвия и три рукояти, верхушка английского общества остается почти такой же, как в середине XIX века. После 1832 года старая земельная аристократия постепенно утрачивала власть, но вместо того, чтобы исчезнуть или превратиться в ископаемое, она просто пережилась с купцами, промышленниками и финансистами, заменивши-

⁶ Фраза герцога Веллингтона.

ми ее, и вскоре превратила их в точную свою копию. Богатый овцевод или текстильщик устроился на манер помещика, а его сыновья обучились правильным манерам в частных школах, специально для этого и созданных. Англией правила аристократия, постоянно пополнявшая свои ряды выскочками. Учитывая, какой энергией обладают люди, выбившиеся из низов, и то, что они покупали себе место в классе, имевшем традицию службы обществу, можно было бы ожидать появления способных правителей.

Однако правящий класс почему-то приходил в упадок, утрачивал способности, отвагу и, наконец, даже безжалостность, и вот наступило время, когда такие чопорные нафталиновые господа, как Иден или Галифакс, представляются выдающимися талантами. Что до Болдуина, то для него даже «нафталиновый» было бы комплиментом. Он являл собой просто дыру в воздухе⁷. Если английская внутренняя политика в 1920-х годах была беспомощной, то внешняя политика Британии между 1931 и 1939 годами – одно из чудес света. Почему? Что случилось? Что за могучий инстинкт заставлял каждого британского руководителя в каждый решительный момент поступать неправильно?

В основе всего этого лежал тот факт, что положение иму-

⁷ Энтони Иден – английский государственный деятель, премьер-министр (1955–1957). Эдуард Галифакс – английский государственный деятель, вице-король Индии (1926–1931), министр иностранных дел (1938–1940). Стэнли Болдуин – английский государственный деятель, премьер-министр (1924–1924, 1924–1929, 1935–1937).

щего класса давно уже ничем не оправдано. Вот он сидел в центре громадной империи и всемирной финансовой системы, получая прибыли и проценты с капитала и тратя их – на что? Верно, что жизнь внутри Британской империи была по многим показателям лучше, чем жизнь вне ее. И однако империя была слаборазвитой, Индия дремала в Средних веках, доминионы лежали пустые, ревниво оберегаясь от приезжих, и даже в Англии было полно трущоб и безработных. Несомненную выгоду от существующей системы получали какие-нибудь полмиллиона людей, владевших загородными домами. Вдобавок тенденция к слиянию мелких предприятий в крупные компании лишала все больше и больше представителей имущего класса их функций и превращала их лишь во владельцев, а работу за них стали выполнять штатные менеджеры и техники. Уже долгое время в Англии существовал класс людей, лишенных каких бы то ни было функций, живущих на деньги, вложенные уже не припомнить во что, «праздных богатых», людей, чьи фотографии вы можете увидеть в «Татлере» и «Байстендере», при условии, конечно, что вам этого захочется. Существование этих людей никакими критериями не оправдано. Они были просто паразитами, еще менее полезными для общества, чем блохи для собаки.

В 1920 году это понимали уже многие. В 1930-м – миллионы. Но британский правящий класс явно не мог признать себе, что становится бесполезным. Признавшись, он вынужден был бы отречься от власти. Ибо для этих людей

невозможно было превратиться просто в бандитов, подобно американским миллионерам, сознательно цепляться за несправедливые привилегии и укрощать оппозицию с помощью взяток и слезоточивого газа. Как-никак они принадлежали к классу с определенными традициями, они учились в закрытых школах, где обязанность умереть за свою страну в случае нужды преподносится как первая и главная заповедь. Они должны были чувствовать себя патриотами, при том что грабили своих соотечественников. Ясно, что выход у них был только один – в глупость. Держать общество в прежнем состоянии они могли только за счет того, что не способны были вообразить никаких возможностей улучшения. С трудом, но они этого достигли – устремив взгляд в прошлое и отказываясь замечать перемены, происходящие вокруг.

Это многое объясняет в Англии. Объясняет упадок сельской жизни, обусловленный сохранением фальшивого феодализма, который сгоняет с земли самых усердных работников. Объясняет косность закрытых школ, едва ли изменившихся с 80-х годов прошлого века. Объясняет военную некомпетентность, снова и снова изумлявшую мир. С 50-х годов прошлого века каждая война, в которую вступала Англия, начиналась серией катастроф, после чего положение выправляли люди сравнительно низкого социального происхождения. Высшее командование, формировавшееся из аристократии, никогда не умело подготовиться к современной войне – чтобы подготовиться, этим людям пришлось бы при-

знать, что мир меняется. Они всегда цеплялись за устарелые методы и вооружение, потому что в каждой войне неизменно видели повторение предыдущей. Перед бурской войной они готовились к войне с зулусами, перед 1914-м – к бурской войне и перед нынешней – к войне 1914 года. Даже сейчас сотни тысяч мужчин в Англии обучаются работе штыком, оружием, совершенно бесполезным и пригодным разве что для открывания консервных банок. Стоит отметить, что флот, а в последнее время и воздушные силы действуют эффективнее, чем регулярная армия. Но флот лишь частично находится в орбите правящего класса; авиация же – вообще вне ее.

Надо признать, что в спокойное время методы британского правящего класса служили ему неплохо. Народ явно его терпел. При том, как несправедливо организована Англия, ее, по крайней мере, не раздирали классовые войны и не изводила тайная полиция. Империя была мирной, как ни одна область, сравнимая с ней по величине. На всем ее громадном пространстве – около четверти земной поверхности – было меньше вооруженных людей, чем считало нужным для себя какое-нибудь мелкое балканское государство. Для подданных, если смотреть на британский правящий класс с чисто либеральной, негативной точки зрения, он имел свои положительные стороны. Он был предпочтительнее подлинно современных правителей, нацистов и фашистов. Но было совершенно очевидно, что он окажется беспомощным перед

серьезным нападением извне.

Эти люди не могли бороться с нацизмом и фашизмом, потому что не понимали их. Не смогли бы они бороться и с коммунизмом, если бы коммунизм представлял собой серьезную силу в Западной Европе. Чтобы понять фашизм, им пришлось бы изучить теорию социализма, и она показала бы им, что живут они в несправедливой, неэффективной и устарелой экономической системе. Но именно этот факт они учились так долго не замечать. Они относились к фашизму так же, как кавалерийские генералы 1914 года к пулеметам, – игнорировали его. За годы агрессии и резни они усвоили только одно: что Гитлер и Муссолини враждебны коммунизму. Отсюда делался вывод, что эти двое должны быть дружественны британскому получателю дивидендов. Отсюда – поистине страшный спектакль: консервативные члены парламента бурно радуются известию о том, что британские суда, везшие продовольствие республиканскому правительству Испании, атакованы итальянскими самолетами. Даже когда до них стало доходить, что фашизм опасен, его революционный характер, колоссальная военная машина, которую он способен создать, и тактика, которую он намерен использовать, – были выше их понимания. Во время гражданской войны в Испании всякий, чьи политические познания ограничивались шестипенсовой брошюркой о социализме, понимал, что, если Франко победит, это будет стратегическим несчастьем для Англии; но генералы и адмиралы, всю

жизнь посвятившие изучению военного дела, не в силах были осознать этот факт. Политическим невежеством такого рода заражен весь английский официоз – министры в правительстве, послы, консулы, судьи, магистраты, полицейские. Полисмен, который арестовывает «красного», не понимает теорий, проповедуемых «красным»; если бы понимал, его положение телохранителя при имущем классе, возможно, показалось бы ему менее приятным. Есть основания думать, что даже военному шпионажу крайне мешает незнание новых экономических доктрин и разветвленной сети подпольных партий.

Британский правящий класс не совсем ошибался, полагая, что фашизм на его стороне. Известно, что для богатого человека, если он не еврей, фашизм не так страшен, как коммунизм или демократический социализм. Этот факт ни в коем случае нельзя забывать, поскольку немецкая и итальянская пропаганда нацелены на то, чтобы его скрыть. Врожденный инстинкт таких людей, как Саймон, Хоур, Чемберлен и прочие, толкает их к соглашению с Гитлером⁸. Но – я говорил уже об этой особенности английской жизни – тут вмешивается глубокое чувство национальной солидарности: подружиться с ним они смогли бы, лишь разрушив империю и продав свой народ в полурабство. Подлинно растленный

⁸ Джон Саймон – британский юрист и политик, возглавлял империалистическое крыло либеральной партии. Сэмюэл Хоур – английский государственный деятель. Поддерживал Муссолини во время абиссинской войны.

класс сделал бы это без колебаний, как во Франции. Но в Англии дело так далеко не зашло. В Англии вряд ли найдутся политики, способные произносить пресмыкательские речи о «долге лояльности перед нашими завоевателями». Мечущиеся между своими доходами и своими принципами – что могли сделать люди, подобные Чемберлену, кроме как напортачить и там, и там? Но есть один признак, постоянно свидетельствовавший о моральном здоровье английского правящего класса: во время войны он готов подвергнуть свою жизнь опасности. Несколько герцогов и графов были убиты во время недавней кампании во Фландрии. Такого бы не случилось, если бы эти люди были циничными негодьями, какими их иногда объявляют. Надо правильно понимать их мотивы, иначе нельзя предсказать их действия. Ожидать от них надо не предательства, не физической трусости, а глупости, бессознательного саботажа, безотказного инстинкта делать не то, что надо. Они не безнравственны или не вполне безнравственны; они просто не обучаемы. Только когда кончатся их деньги и власть, младшие среди них начнут понимать, в каком веке они живут.

5

Застой в империи в межвоенные годы затронул в Англии всех, но особенно повлиял на две важные прослойки среднего класса. На военную и империалистическую его состав-

ляющую, известную под прозвищем «Блимпы»⁹, и на левую интеллигенцию. Эти два как будто бы враждебных типа, полярно противоположных – старый полковник на половинном окладе, с его бычьей шеей и миниатюрным, как у динозавра, мозгом, и интеллеktуал с высоким лбом и тонкой шеей, – духовно связаны между собой и постоянно взаимодействуют; во всяком случае, нередко происходят из одних и тех же семей.

Тридцать лет назад Блимпы уже стали терять свою жизненную силу. Семьи среднего класса, воспетые Кипплингом, плодovитые, малообразованные семьи, чьи сыновья служили офицерами в армии и флоте и роились во всех пустынных местах земли, от Юкона до Иравади, еще до 1914 года пошли на убыль. Убил их телеграф. В сужающемся мире, все в большей степени управляемом с Уайтхолла, с каждым годом оставалось все меньше места для личной инициативы. Люди, подобные Клайву, Нельсону, Николсону, Гордону¹⁰, не нашли бы себе применения в сегодняшней Британской

⁹ «Полковник Блимп» – по имени комического персонажа карикатур Дэвида Лоу – пожилой человек со старомодными и очень консервативными политическими взглядами и чрезмерно высоким представлением о собственной важности.

¹⁰ Роберт Клайв – британский военный и государственный деятель. В ходе войны 1746–1763 годов вытеснил французов из Индии. Был губернатором Бенгалии. Джон Николсон – британский генерал, участвовал в подавлении восстания сипаев в 1857 году. Погиб в сентябре того же года при штурме Дели. Чарлз Гордон – британский генерал, участник Крымской войны. Участвовал в подавлении тайпинского восстания в Китае и восстания Махди в Судане. Убит под Хартумом в 1885 году.

империи. К 1920 году контроль Уайтхолла распространился чуть ли не на каждый дюйм колониальной империи. Благонравные, сверхцивилизованные люди в темных костюмах и черных фетровых шляпах, с аккуратно свернутыми зонтиками, навязывали свой косный взгляд на жизнь в Малайе и Нигерии, Момбасе и Мандалаю. Строители империи были низведены до положения клерков, погребенных под растущими горами бумаг. В начале 20-х годов по всей империи можно было наблюдать, как старые чиновники, еще помнившие о более вольных днях, беспомощно корчились под катком перемен. С этого времени стало почти невозможно привлечь сильных духом молодых людей к участию в имперской администрации. Так обстояло дело в официальном мире, так же – в коммерческом. Большие монополии тысячами заглатывали мелких торговцев. Вместо того чтобы пуститься в рискованную торговлю у берегов Индийского океана, человек садился на конторский стул в Бомбее или Сингапуре. И жизнь в Бомбее или Сингапуре была еще скучнее и надежнее, чем в Лондоне. Империалистические настроения у среднего класса оставались сильными, главным образом из-за семейной традиции, но работа имперского администратора уже не привлекала. Немногие способные люди отправлялись к востоку от Суэца, если была возможность этого избежать.

Но общее ослабление империализма и, в какой-то мере, всего британского духа, происходившее в 1930-х годах, ча-

стично было делом рук левой интеллигенции, которая, в свою очередь, была продуктом имперского застоя.

Надо сказать, что сейчас нет интеллигенции, которая не была бы в каком-то смысле «левой». Последним правым интеллектуалом был, возможно, Т. Э. Лоуренс¹¹. Примерно с 1930 года всякий, кого можно назвать «интеллектуалом», жил в состоянии хронического недовольства существующим порядком. И неудивительно, поскольку в обществе для него не находилось места. В застойной империи, которая не развивалась и не разваливалась на части, и в Англии, где правили люди, чьим главным достоинством была глупость, «умный» неизбежно находился под подозрением. Если у вас хватало ума, чтобы понять стихотворения Т. С. Элиота или теории Карла Маркса, начальство позаботилось бы, чтобы не допустить вас ни до какой важной работы. Интеллектуалы могли найти себя только в писании рецензий и в партийной деятельности левого толка.

Умонастроения левой английской интеллигенции можно изучать по пяти-шести еженедельникам и ежемесяникам. Первое, что бросается в глаза при чтении этой прессы, – недовольный, раздраженный тон, полное отсутствие конструктивных предложений. Здесь мало что найдешь, кроме безответственной воркотни людей, не причастных и не

¹¹ Томас Эдуард Лоуренс – Лоуренс Аравийский, британский разведчик и писатель. В 1914–1918 годах участвовал в борьбе арабов за освобождение из-под власти Турции.

рассчитывающих быть причастными к власти. Другая отличительная характеристика – эмоциональная ограниченность, свойственная тем, кто живет в мире идей и мало соприкасается с физической реальностью. В 1935 году многие левые интеллектуалы были дряблыми пацифистами, в 1935–1939-м они истошно требовали войны с Германией и тут же притихли, когда война началась. В общем, хотя и не вполне точно, можно утверждать, что самые рьяные «антифашисты» времен гражданской войны в Испании сейчас самые большие пораженцы. А в основе этого – действительно важная особенность многих английских интеллигентов: их оторванность от общей культуры страны.

По своим намерениям, во всяком случае, английская интеллигенция европеизирована. Кухню она предпочитает парижскую, а идеи московские. В общем патриотизме страны она образует некий остров диссидентской мысли. Англия – возможно, единственная великая держава, чьи интеллектуалы стыдятся своей национальности. В левых кругах всегда живет чувство, что быть англичанином слегка неприлично и что ты обязан смеяться над всеми английскими институтами, от скачек до пудинга. Странный, но несомненный факт: чуть ли не каждый английский интеллектуал счел бы более стыдным встать по стойке «смирно» при исполнении гимна, чем украсть из церковной кружки. В критические годы многие левые подтачивали английский моральный дух, распространяя настроения то жидко-пацифистские, то яростно

прорусские, но всякий раз антибританские. Трудно сказать, большой ли это имело эффект, но какой-то эффект имело. Если английский народ действительно переживал в течение нескольких лет упадок духа, так что фашистские страны сочли его «вырождающимся» и без опаски начали войну, то отчасти виной этому интеллектуальный саботаж левых. «Ньюстейтсмен» и «Ньюс кроникл» громко возмущались мюнхенскими соглашениями, а между тем и сами им поспособствовали. Десять лет систематической травли «Блимпов» подействовали даже на самих Блимпов, и привлечь в вооруженные силы умных молодых людей стало труднее. Из-за общего застоя в империи военный средний класс и так пришел бы в упадок, но распространение легковесного левачества ускорило этот процесс.

Ясно, что специфическая позиция английских интеллектуалов, как силы чисто негативной, просто-напросто противников военщины, была результатом глупости правящего класса. Общество не нашло им применения, а им самим не хватило ума понять, что преданность своей стране подразумевает «в горе и в радости». И Блимпы, и интеллектуалы приняли как нечто самой собой разумеющееся, как закон природы – несовместимость патриотизма с умом. Если вы патриоты, то читаете «Блэквуд мэгэзин» и во всеуслышание благодарите Бога за то, что вы не «умник». Если вы интеллектуал, то смеетесь над флагом и физическую смелость считаете варварством. Ясно, что этому нелепому размежеванию

должен прийти конец. Высоколобий Блумсбери с его механической усмешкой так же устарел, как кавалерийский полковник. И тот, и другой для современной страны – чрезмерная роскошь. Патриотизм и ум должны снова соединиться. И тот факт, что мы ведем войну, войну весьма необычную, подталкивает к этому.

6

Одним из важнейших явлений в Англии на протяжении последних двадцати лет было расширение среднего класса вверх и вниз. Масштабы его таковы, что прежнее подразделение общества на капиталистов, пролетариев и мелких буржуа (мелких собственников) выглядит довольно устарелым.

Англия – это страна, где собственность и финансовая власть сосредоточены в очень немногих руках. Очень немногие в современной Англии владеют чем бы то ни было, кроме одежды, мебели и, возможно, дома. Крестьянство давно исчезло, независимого лавочника уничтожают, численность мелких предпринимателей падает. Но в то же время современная промышленность настолько сложна, что не может обойтись без большого числа менеджеров, торговцев, инженеров, химиков и техников, получающих сравнительно большие жалованья. А без них не существовал бы столь многочисленный класс других профессионалов – врачей, адвокатов, учителей, художников и т. д. Таким образом, при раз-

витом капитализме есть тенденция к расширению среднего класса, а не к его исчезновению, как некогда казалось.

Но еще важнее распространение идей и обычаев среднего класса среди рабочих. Британский рабочий класс сегодня во всех отношениях обеспечен лучше, чем тридцать лет назад. Отчасти это связано с усилиями профсоюзов, но отчасти – просто с развитием физической науки. Не все отдадут себе отчет в том, что в довольно узких пределах уровень жизни может повыситься без соответствующего повышения реальной заработной платы. Цивилизация обладает определенным потенциалом роста. Как бы несправедливо ни было организовано общество, технический прогресс приносит пользу всем его членам, потому что некоторые блага неизбежно оказываются общими. Миллионер, например, не может осветить улицы для себя и затемнить для других. Почти все граждане цивилизованных стран пользуются теперь хорошими дорогами, обеззараженной водой, полицейской защитой, бесплатными библиотеками и каким-никаким бесплатным образованием. Народное образование в Англии сидело на голодном пайке и, тем не менее, улучшалось – главным образом, благодаря самоотверженности учителей, – и необычайно возросло количество читающего народа. Богатые и бедные все чаще читают одни и те же книги, они видят одни и те же фильмы, слушают одни и те же радиопередачи. Разница в их образе жизни уменьшилась благодаря массовому производству дешевой одежды и росту жилищного строи-

тельства. Внешне одежда богатых и бедных, особенно у женщин, отличается гораздо меньше, чем тридцать и даже пятнадцать лет назад. Что касается жилья, в Англии до сих пор есть трущобы, представляющие собой позор цивилизации, но последние десять лет строительство велось интенсивно, в основном местными властями. Современный муниципальный дом с ванной и электричеством меньше, чем вилла биржевого брокера, но в принципе это такой же дом, в отличие от коттеджа сельскохозяйственного рабочего. Человек, выросший в муниципальном микрорайоне, скорее всего, будет похож – внешне, во всяком случае, – на представителя среднего класса, а не на обитателя трущоб.

Все это привело к общему смягчению нравов. Ему способствовало и то, что современное промышленное производство требует меньше физических усилий, и после рабочего дня у человека остается больше энергии. Многие рабочие в легкой промышленности – в меньшей степени работники физического труда, чем врачи или бакалейщики. По своим вкусам, привычкам, манерам и внешнему виду рабочий класс и средний класс сближаются все больше. Неравенство остается, но реальная разница уменьшается. «Пролетарий» прежних времен – без воротничка, небритый, с печатью тяжелого труда на всем облике – еще существует, но таких становится все меньше; преобладает этот тип только в районах тяжелой промышленности на севере Англии.

После 1918 года возникло нечто, прежде не существовав-

шее в стране: люди неопределенного социального положения. В 1910 году любого человека на наших островах можно было мгновенно «определить» по манерам, одежде и выговору. Теперь это не так, и прежде всего – в новых городских конгломератах, образовавшихся в результате перемещения промышленности на юг и развития дешевого автотранспорта. Зачатки будущей Англии надо искать в районах легкой промышленности и вдоль транспортных артерий. В Слау, Дагенеме, Барнете, Летчворте, Хейсе – да повсюду на окраинах больших городов – старый уклад постепенно сменяется чем-то новым. В этих дебрях из кирпича и стекла резкие контрасты, присущие старым городам, с их трущобами и особняками, и сельскими районами – с барскими домами и убогими коттеджами, уже отсутствуют. Есть громадное неравенство доходов, но образ жизни на разных уровнях приблизительно одинаков – в рационально спроектированных квартирах, в муниципальных домах, вдоль бетонных дорог и в голлой демократии плавательных бассейнов. Это довольно суетливая, малокультурная жизнь, атрибуты которой – консервированная пища, «Пикчер пост», радио и двигатель внутреннего сгорания. Это цивилизация, где дети досконально знают магнето и совсем не знают Библии. К этой цивилизации принадлежат люди, чувствующие себя своими в современном мире, и подлинные ее представители – техники и высокооплачиваемые квалифицированные рабочие, летчики и их механики, радиоинженеры, кинопродюсеры, популярные

журналисты и промышленные химики. Это – неопределенная прослойка, где прежние классовые различия начинают стираться.

Нынешняя война, если нас не победят, сметет большинство существующих классовых привилегий. Людей, желающих сохранить их, остается все меньше. И нам не надо бояться, что из-за этих изменений жизнь в Англии утратит свой особый аромат. Новые кирпичные города Большого Лондона достаточно грубы, но это только прыщи, сопутствующие созреванию. В каком бы виде ни вышла из войны Англия, ей все равно будут присущи характеристики, о которых я говорил выше. Интеллектуалы, надеющиеся увидеть нас русифицированными или онемеченными, будут разочарованы. Мягкость, лицемерие, бездумность, почтение к закону и отвращение к мундиру останутся – вместе с пудингами на сале и мглистым небом. Чтобы уничтожить национальную культуру, требуется колоссальная катастрофа, такая, как длительное подчинение иностранному врагу. Фондовая биржа рухнет, конный плуг уступит место трактору, сельские дома превратятся в детские лагеря отдыха, матчи Итон – Харроу канут в прошлое, но Англия останется Англией, вечным организмом, простирающимся в будущее и в прошлое и, как всякое живое существо, обладающим способностью изменяться до неузнаваемости и при этом оставаться собой.

Часть II: Лавочники на войне

1

Я начал эту книгу под вой немецких бомб и начинаю вторую главу, когда к нему добавилось уханье зениток. Небо освещают желтые разрывы, осколки стучат по крышам, и «Лондонский мост падает, падает, падает». Всякий, кто умеет читать карту, понимает, что мы в смертельной опасности. Я не хочу сказать, что мы побеждены или будем побеждены. Исход почти наверняка зависит от нашей воли. Но сейчас мы в пиковом положении и попали в него из-за глупостей, которые совершаем до сих пор и которые погубят нас, если мы быстро не исправимся.

Эта война продемонстрировала, что частный капитализм – то есть экономическая система, при которой земля, фабрики, шахты и транспорт находятся в частных руках и работают только на прибыль, недействительна. Она не справляется. Это давно уже стало понятно миллионам людей, но ничего не менялось, потому что снизу не шло сильных импульсов к преобразованию системы, а верхи приучились быть беспросветно тупыми во всем, что касалось этого. Аргументы и пропаганда ничего не давали. Хозяева собственности сидели сложа руки и твердили, что все к лучшему. Однако захват

Европы Гитлером был физическим опровержением капитализма. Война, при всей ее гнусности, есть объективная проверка силы, как динамометр. Большая сила – получай свои пенсы обратно, и подделать результат никак нельзя.

Когда изобрели корабельный винт, годами шли споры, какие пароходы лучше – колесные или винтовые. Колесные пароходы, как и всякая устарелая вещь, имели своих защитников, изобретательно доказывавших их превосходство. Но наконец один знаменитый адмирал сцепил корма к корме винтовой пароход и такой же мощности колесный – и запустил машины. Это решило вопрос раз и навсегда. Нечто подобное произошло на полях сражений в Норвегии и во Фландрии. Раз и навсегда было доказано, что плановая экономика сильнее неплановой. Но тут необходимо дать какое-то определение затертым словам «социализм» и «фашизм».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.